

ISSN 0869-4362

Русский
орнитологический
журнал

2016
XXV

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
1383
EXPRESS-ISSUE

2016 № 1383

СОДЕРЖАНИЕ

- 5005-5019 К истории орнитофауны субальпийского ландшафта гор Сибири и Дальнего Востока. А . А . НАЗАРЕНКО
- 5019-5021 Новые виды птиц для Большеземельской тундры.
В . В . МОРОЗОВ
- 5022-5023 Первая зарубежная находка зарнички *Phylloscopus inornatus*, окольцованной на Куршской косе Балтийского моря. А . П . ШАПОВАЛ
- 5023-5024 Об эффективности использования грецких орехов врановыми птицами в городе Алматы. Ф . Ф . КАРПОВ
- 5025-5026 Прилёт и отлёт чёрного стрижа *Apus apus* в Новоржевском районе Псковской области.
Э . В . ГРИГОРЬЕВ
- 5026-5027 Серпоклюв *Ibidorhyncha struthersii* в Киргизии.
А . И . ЯНУШЕВИЧ , А . КЫДЫРАЛИЕВ
- 5027-5030 К биологии обыкновенной кукушки *Cuculus canorus* в Центральной Якутии. А . Г . ЛАРИОНОВ
- 5030-5034 Врановые Закарпатья в XX столетии.
А . Е . ЛУГОВОЙ
- 5034-5035 К биологии черныша *Tringa ochropus* и перевозчика *Actitis hypoleucos* в Окском заповеднике.
Ф . В . ИВАНОВ
-

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Р у с с к и й о р н и т о л о г и ч е с к и й ж у р н а л
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

V o l u m e X X V
Express-issue

2016 № 1383

CONTENTS

- 5005-5019 On the history of avifauna of subalpine landscape
of the Siberian and Far-Eastern mountains.
A . A . N A Z A R E N K O
- 5019-5021 New species of birds for Bolshezemelskaya tundra.
V . V . M O R O Z O V
- 5022-5023 The first foreign recovery of the yellow-browed warbler
Phylloscopus inornatus, ringed on the Curonian Spit,
Baltic Sea. A . P . S H A P O V A L
- 5023-5024 The effectiveness of the use of walnuts by corvids in Almaty.
F . F . K A R P O V
- 5025-5026 Dates of arrival and departure of the black swift *Apus apus*
in Novorzhev Raion, Pskov Oblast. E . V . G R I G O R I E V
- 5026-5027 The ibisbill *Ibidorhyncha struthersii* in Kyrgyzstan.
A . I . Y A N U S H E V I C H , A . K Y D Y R A L I E V
- 5027-5030 On the biology of the common cuckoo *Cuculus canorus*
in Central Yakutia. A . G . L A R I O N O V
- 5030-5034 Corvids of Transcarpathia in the XX century.
A . E . L U G O V O Y
- 5034-5035 On the biology of the green sandpiper *Tringa ochropus*
and common sandpiper *Actitis hypoleucos* in the Oka Reserve.
F . V . I V A N O V
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

К истории орнитофауны субальпийского ландшафта гор Сибири и Дальнего Востока

А.А.Назаренко

*Второе издание. Первая публикация в 1979**

Памяти Петра Петровича Сушкина (1868–1928)

В 1927 году в докладе на Третьем Всероссийском съезде зоологов, анатомов и гистологов П.П.Сушкин сформулировал концепцию о двух мировых центрах происхождения высокогорной орнитофауны: центральноазиатском и андийском. Специфическая фауна, сложившись в высокогорных ландшафтах данных регионов, в последующем радиировала по прилежащим горным системам, причём более мощный центральноазиатский очаг определил состав альпийской фауны птиц всей Евразии и Северной Америки.

Идеи этого доклада и опубликованной на его основе статьи (Сушкин 1928) и прежде всего идея «центров» происхождения оставили заметный след в отечественной орнитогеографии (Тугаринов 1929; Stegmann 1932; Серебровский 1937). Из этих авторов Серебровский наиболее непосредственно продолжил разработку идей Сушкина, связав генезис и последующее расселение ряда лесных групп птиц Палеарктики с центральноазиатским «центром» происхождения. Исследования горных фаун в плане их истории в последующие годы носили региональный характер: выяснялись конкретные пути и время заселения птицами тех или иных горных районов (Потапов 1966; Кищинский 1974, 1976; и ряд других авторов). Тем самым вносили уточнения в те или иные аспекты концепции Сушкина. Высказывались и иные точки зрения (Бёме 1960).

В свете задач данной статьи необходимо остановиться ещё на двух аспектах упомянутой работы Серебровского (1937). Во-первых, он показал, что фаунистический обмен между Центральной и Северной Азией происходил неоднократно, причём не только в доледниковое время, как полагал, например, Штегман (1932), но главным образом в период оледенений. Более того, по его мнению, последний «сеанс» подобного обмена имел место в голоцене. Во-вторых, он указал на Южную Монголию как на один из районов, через который мог осуществляться подобный обмен (Stegmann 1932; Reinig 1937 и другие авторы полагали в качестве такого района только Большой Хинган). Ареало-

* Назаренко А.А. 1979. К истории орнитофауны субальпийского ландшафта гор Сибири и Дальнего Востока // Зоол. журн. 58, 11: 1680-1691.

гический анализ в свете современных палеогеографических данных позволил подтвердить предположение Серебровского о голоценовом фаунистическом обмене через Южную Монголию (Назаренко 1977). Дальнейшее развитие этой идеи предпринято ниже.

Ранее (Назаренко 1971), касаясь истории орнитофауны субальпики гор юга Дальнего Востока, я пришёл к следующим заключениям:

1. Эта фауна очень молода и полностью иммиграционна. Областью её происхождения являются высокогорья Центральной Азии.

2. Время экспансии этой фауны – ледниковая стадия верхнего плейстоцена. Расселение осуществлялось по непрерывным «экологическим руслам» в условиях значительного снижения ландшафтных поясов в горах юга Дальнего Востока, когда в предгорьях складывалась обстановка «сниженных Альп».

3. Современные предгорные и межгорные поселения видов, одновременно обитающих и в субальпике, – реликты их ледниковой стадии расселения.

Тем не менее, дальнейшие размышления над вопросами истории орнитофауны и знакомство с новейшей литературой, освещающей палеогеографию верхнего плейстоцена – голоцена Дальнего Востока и Внутренней Азии, заставили меня кардинально пересмотреть два последних пункта. Статья посвящена обоснованию новых представлений об обстоятельствах и времени проникновения самых поздних центральноазиатских элементов в субальпику гор Сибири и Дальнего Востока.

Фауна птиц сибирско-дальневосточной субальпики – верхней кромки редколесий, зарослей кедрового стланика, ерников и других кустарников – небогата и насчитывает 10-15 (разные районы) видов. Мы рассмотрим лишь ту группу видов, становление современных ареалов которой в Сибири было предопределено палеогеографическими событиями позднеледникового – начала голоцена на северной периферии Центральной Азии. Это – пятнистый конёк *Anthus hodgsoni*, сибирская завирушка *Prunella montanella*, соловей-красношейка *Calliope calliope*, сибирская горихвостка *Phoenicurus auroreus*, бурая пеночка *Phylloscopus fuscatus*, толстоклювая пеночка *P. schwarzi*, обыкновенная чечевица *Carpodacus erythrinus* и сибирская чечевица *C. roseus*.

Своеобразие этой группы видов в Сибири и на Дальнем Востоке состоит в том, что, помимо высокогорных, существуют предгорные и внегорные популяции, таксономически идентичные (Назаренко 1971). Лишь ареал сибирской завирушки борео-альпийского типа.

Анализ ареалов и географической изменчивости данных видов обнаруживает следующие их особенности: 1) Большая часть их имеет изоляты в Центральной Азии. 2) При очень широком распространении в Северной Азии (в частности, на северо-востоке) никто из них не проникает на американский континент. 3) Многие виды при широком

распространении на материке отсутствуют на островах у восточной периферии азиатского континента. 4) Географическая изменчивость этих видов проявляется в крайне слабой степени, либо вообще отсутствует. Так, центральноазиатские изоляты, несмотря на значительный пространственный разрыв, выделяются лишь в качестве слабых подвидов (Серебровский 1937; Vaurie 1959; Cheng 1976). Все островные популяции у восточной окраины континента либо таксономически идентичны с материковыми, либо отличия только намечаются.

Указанные особенности позволяют сделать по крайней мере два заключения, важных для обсуждаемой в статье темы: а) время возникновения сибирско-центральноазиатского разрыва, хотя его протяжённость достигает 800 км, очень недавнее; б) обширные ареалы при отсутствии или слабо выраженной географической изменчивости (даже у изолятов) свидетельствуют о недавних энергичных процессах расселения.

Поскольку наши виды – обитатели субальпийского и одновременно лесного ландшафтов, сопоставим их распространение на тихоокеанской окраине материка с распространением соответствующих ландшафтов. Мы обнаружим один парадоксальный факт (формально уже отмеченный выше, в 3-м пункте): многие виды отсутствуют в тех или иных островных, либо просто периферических горных районах, несмотря на наличие там вполне подходящей экологической обстановки (Японские острова, «островные» высокогорья на севере Корейского полуострова, Камчатка). Можно допустить, что по каким-то причинам эти виды не в состоянии преодолеть современные пространственные преграды. Известно, однако, что успешность преодоления преград есть, в частности, и функция времени. Однако каким запасом времени обладают эти виды, иными словами, как давно они обитают на восточной окраине материка, строго говоря, ни современная обстановка, ни их ареалы нам ответа дать не могут. Но, видимо, его можно найти в фактах истории данного района: в качестве такого «временного репера» можно рассматривать тот отрезок геологической истории, когда эти преграды вообще должны были отсутствовать. Последний раз это было не позже 10 тыс. лет назад.

Реконструкция палеогеографии высокогорий для времени их максимальной экспансии в данном регионе и для времени максимальной регрессии выполнена с использованием новейших данных (Александров 1973; Величко 1973; Хотинский 1977; Караулова, Назаренко 1972; Прозоров 1972; Боярская и др. 1975; Боярская, Чернюк 1976; Короткий 1976; Короткий, Караулова 1976; Короткий и др. 1976; Tsukada 1967; Ono, Hirakawa 1975; Horie 1976; Sakaguchi 1976; Tadaka 1976; и мн. др.). Данные об уровне моря в максимум последнего похолодания (-140 м) и в начале голоцена (-50 м) заимствованы из работы Гохары

(Gohara, 1976). Однако палеогеографическая литература не всегда может обеспечить необходимую точность при решении таких вопросов, как конкретное простираие данного палеоландшафта в данном районе. Например, таким «критическим» районом является юг Приморского края. Поэтому в качестве дополнительного индикатора былого распространения высокогорного ландшафта использованы данные о современном, резко дизъюнктном, распространении характерных представителей гольцовой флоры (по справочнику «Эндемичные высокогорные растения Северной Азии» – Толмачев 1974). Наиболее показателен почти 1000-километровый разрыв между центральным Сихотэ-Алинем и высокогорным районом на севере Корейского полуострова в распространении рододендрона Редовского *Rhododendron redowskianum* и ряда других видов. Объяснить этот феномен невозможно без допущения, что в известные отрезки верхнего плейстоцена высокогорный ландшафт в южном Приморье спускался вплоть до предгорий. Синтезом всех упомянутых данных является палеогеографическая схема на рисунке 1.

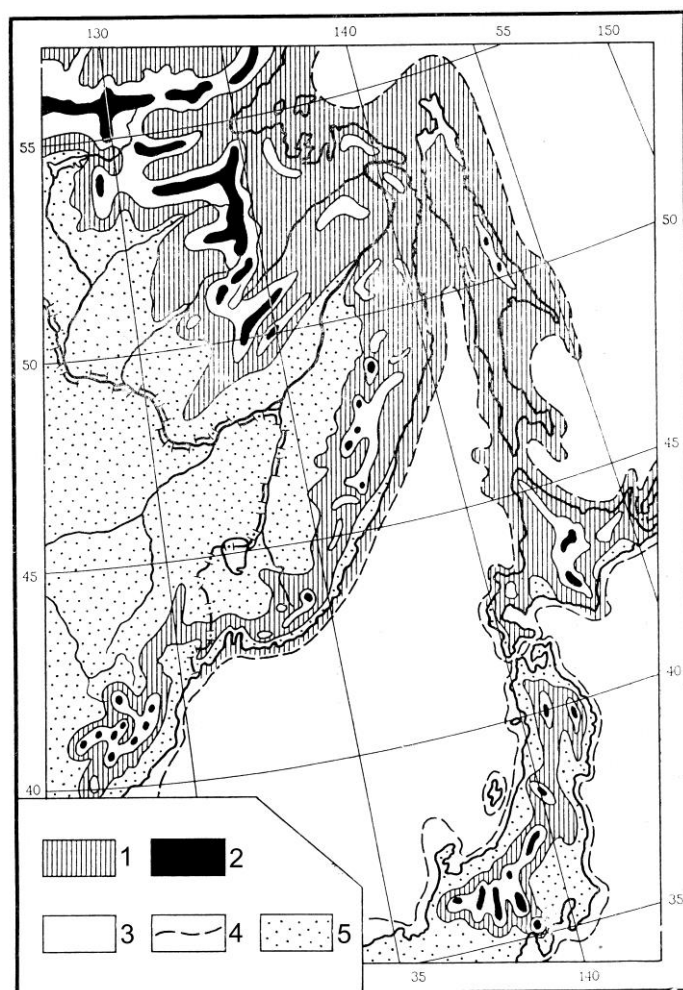

Рис. 1. Картограмма высокогорного ландшафта на юге Дальнего Востока в прошлом и в настоящем по данным разных авторов.

1 – 18-12 тыс. лет назад; 2 – 8-5 тыс. лет назад; 3 – в настоящее время;
4 – линия суши 18 тыс. лет назад; 5 – таёжный и другие ландшафты.

Итак, сопоставим современное распространение наших видов на тихоокеанской окраине материка с ландшафтами тайги и высокогорий в период их наибольшей экспансии в данном регионе (рис. 1). Климат того времени на юге Дальнего Востока был очень прохладным и влажным (Horie 1976). Это вызвало сильную депрессию ландшафтных поясов в горах и мощную экспансию зарослей кедрового стланика и таёжных лесов в полосу предгорий – на юг до центральных районов Хонсю (Sakaguchi 1976). Ещё 12 тыс. лет назад верхняя граница леса на северной оконечности этого острова проходила на высоте всего 500 м (Tadaka 1976). Поверхность острова Хоккайдо в значительной степени находилась выше верхней границы леса (Ono, Hirakawa 1975), а на Сахалине, сочленённом с материком и островом Хоккайдо, господствовал лесотундровый (субальпийский) ландшафт (Александров 1973). Сходная обстановка существовала и на материке (Боярская и др. 1975; Короткий, Караулова 1976; Короткий 1976).

Сопоставление обнаруживает ещё один парадокс: создаётся впечатление, что данные виды игнорировали периферические горные районы и в то время, когда никаких преград для их заселения не существовало. То, что они не воспользовались столь благоприятной возможностью для их колонизации, может свидетельствовать лишь об одном: эти виды вообще отсутствовали в то время на восточной периферии азиатского континента. Не было их и в горах Южной и Восточной Сибири, ибо невозможно понять, что могло препятствовать их расселению на восток в начале последнего ледникового цикла (25-19 тыс. лет назад), в период экспансии таёжного и высокогорного ландшафтов в данном регионе*. Нужно подчеркнуть, что климат южных районов Сибири ещё не приобрёл в то время черт жёсткого перигляциального (сухого и очень холодного) режима, сложившегося здесь позже, 18-12 тыс. лет назад (Равский 1972; Величко 1973) и приведшего к повсеместной деградации не только тайги, но и, видимо, субальпийского ландшафта. Итак, мы приходим к заключению, что в период последнего оледенения распространение этих видов ещё было ограничено Центральной Азией. Когда же, где и как произошло их проникновение в Северную Азию?

Широкий круг палеогеографических и ботанико-географических данных, накопленных к настоящему времени, свидетельствует о том, что природная обстановка северной периферии Центральной Азии в некоторые отрезки верхнего плейстоцена существенно отличалась от современной. К сожалению, строгой концепции развития природной среды этого региона в верхнем плейстоцене – голоцене пока не создано.

* Этой возможностью воспользовались, по моему мнению, синехвостка *Tarsiger cyanurus* и сибирская мухоловка *Muscicapa sibirica*, позже здесь вымершие и вновь заселившие данный район в голоцене, но уже с востока. Любопытно, что они образуют очень чёткие подвиды по сравнению со своими изолятами в Южной Азии, а на Дальнем Востоке населяют все периферические горные районы с подходящей экологической обстановкой.

Основной пункт дискуссий – динамика режима увлажнения в ледниково-межледниковом цикле (Равский 1972; Девяткин и др. 1978). Одно из многих затруднений – отсутствие радиоуглеродных дат для позднеледниковья – начала голоцена для территории Центральной и Южной Монголии. Это делает необходимым более развёрнутое изложение существующих данных, с привлечением таковых и по смежным районам.

Признаки бывшего существования ледников прослеживаются даже на сравнительно невысоком и ныне совершенно пустынном Гобийском Алтае (Шмидт 1974) и на других таких же невысоких хребтах, расположенных южнее (Li Yung-chao *et al.* 1973). Показано (Заморуев 1973; Коржуев и др. 1977; Котляков и др. 1978; и др.), что вопреки существовавшему мнению, наиболее значительным было последнее (22-10 тыс. лет назад), а не среднеплейстоценовое оледенение гор Внутренней Азии. Эти данные косвенным образом свидетельствуют о том, что росту ледников способствовало не только похолодание, но и увеличение влажности климата этого региона.

Сопоставление палеокриологических и палинологических данных привело Грависа и Лисун (1974) к заключению о совпадении периодов увлажнения (плювиалов) с ледниковьями – по крайней мере для Южной Монголии. В согласии с этой оценкой находятся данные о высоком уровне монгольских озёр и большей водности рек в период последнего верхнечетвертичного оледенения (Девяткин, Мурзаева 1975; Девяткин 1977). В только что опубликованной работе этих авторов (Девяткин и др. 1978) специально исследован вопрос о соотношении плювиалов и оледенений. Показано, что периоду роста ледников в горах (Алтай) соответствовали высокие уровни озёр на прилежащих равнинах. К сожалению, эта корреляция не получила надёжного абсолютного датирования.

Однако обстоятельные исследования Равского (1972) показали, что максимуму последнего оледенения в данном регионе сопутствовали крайне аридные условия. О резком развитии аридных процессов в этот период в смежных районах Азии свидетельствуют и данные других исследователей (Singh 1977; Sarnthein 1978; и др.).

Как это ни парадоксально, приведённые данные не противоречат друг другу. Просто приходится признать, что природный процесс этого региона обладал большей динамичностью, чем это считалось до сих пор. Оценка этих и многих других данных позволяет заключить, что на протяжении последних 25 тыс. лет здесь последовательно сменяли друг друга 4 режима климата: холодный плювиальный (25-19 тыс. лет назад), холодный аридный (18-11 тыс. лет назад), тёплый плювиальный (10-8 тыс. лет назад) и, наконец, тёплый аридный (от 8 тыс. лет до современности). Столь же динамичной была смена и остальных компонентов природной среды.

Эти данные позволяют дать совершенно чёткую интерпретацию фактам из ботанической географии этого региона. Современные островные массивы лиственничных лесов в Восточном Тянь-Шане (хребты Баркультаг, Карлыгтаг и др.) однозначно указывают на то, что в прошлом имел место обмен лесными флористическими элементами между данным горным районом и Монгольским Алтаем и что этот обмен мог протекать только через ныне пустынные районы (Мурзаев 1966). А разрывы в распространении многих лесных растений типа Хангай – Восточный Наньшань и современный лесной остров в экстрааридном Бэйшане свидетельствуют о былом непрерывном распространении лесов от Южной Монголии вплоть до Наньшаня. Более того, данные Грубова (1976) и других авторов указывают на многочисленные случаи аналогичных разрывов в распространении и среди альпийских растений. Охарактеризованные режимы палеоклиматов позволяют связать время расселения лесных и высокогорных растений с плювиальными стадиями. Причём, видимо, все случаи систематически идентичных изолятов указывают на то, что стадия расселения пришлась на последний, раннеголоценовый плювиал. Современными свидетельствами этой последней стадии расселения являются, по моему мнению, многочисленные изолированные массивы горных хвойных лесов идентичного породного состава на западе (Сидоров, Потапов 1965), севере (Мурзаев 1966; Грубов 1976) и востоке (Wang 1961) центральноазиатского региона. Бесспорно, аналогичную и синхронную экспансию должен был пережить и субальпийский ландшафт данного региона.

Оценка всех упомянутых данных приводит к заключению, что на северной периферии Центральной Азии в узкой полосе: Наньшань – Бэйшань – Гобийский и Монгольский Алтай – Хангай между 10 и 8 тыс. лет от современности существовал своеобразный экологический «мост суши». Это был именно мост, поскольку ширина его в наиболее узких местах, судя по современному рельефу, не превышала 20-30 км. Представлял ли он собой действительно непрерывную полосу еловых и лиственничных лесов и предальпийских редколесий или же это был тесно сближенный «архипелаг» лесных и субальпийских «островов», с орнитологической точки зрения не является принципиальным. К нему вплотную примыкали влажные в то время степи (рис. 2).

Итак, около 10 тыс. лет назад во Внутренней Азии произошла кардинальная смена климата и природной обстановки. Территориальная экспансия лесов образовала экологический «мост» между Северо-Восточным Тибетом и Алтае-Саянским районом. Ранний голоцен Северной Монголии и юга Восточной Сибири характеризовался экспансией пихтово-еловых лесов – свидетельство тёплого и влажного климата (Равский 1972; Хотинский 1977). Вероятно, именно в это время из При-

охотского района произошла инвазия зарослей кедрового стланика на запад, вплоть до Байкала*.

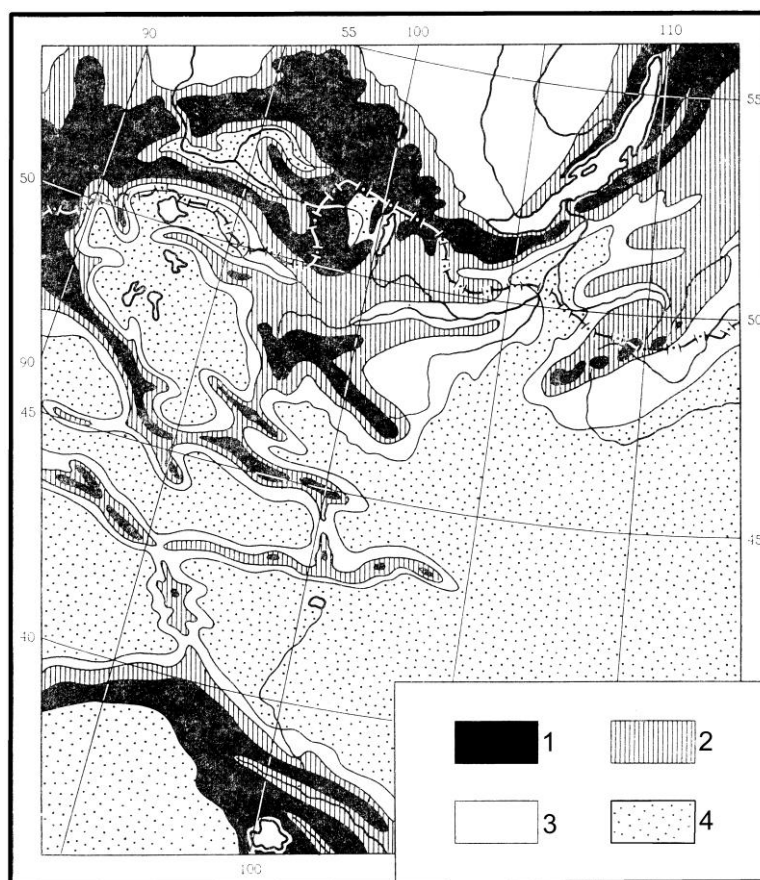

Рис. 2. Картограмма ландшафтов избранного района Внутренней Азии в период существования южномонгольского «моста суши» (ледники и обширные озёрные бассейны того времени не показаны).

1 — высокогорный ландшафт в настоящее время (в Монгольском и Гобийском Алтае он полностью лишён субальпийских кустарниковых зарослей); 2 — то же 10-8 тыс. лет назад; 3 — таёжный ландшафт 10-8 тыс. лет назад; 4 — степи и пустыни.

Общая климатическая и ландшафтная обстановка должна была благоприятствовать видам лесной и субальпийской специализации и способствовать созданию внутренней предпосылки для территориальной экспансии — избытка населения. Однако межвидовой демографический баланс сложился так, что из богатого фаунистического комплекса, свойственного лесам и субальпийке Восточного Тибета, лишь очень небольшая группа видов реализовала эту возможность. В их числе — ряд таёжных видов (Назаренко 1977) и птицы, которые рассматриваются в данной статье. Безусловно, роль фаунистического «фильтра» сыграл и экологический «мост суши», в особенности для субальпийцев. Поскольку за пределами прародины все эти птицы (если не считать

* Я тщательно искал какие-либо указания на присутствие пыльцы кедрового стланика в отложениях, синхронных последнему оледенению на юге Восточной Сибири. Так что приходится признать, что там, где ныне кедровый стланик широко распространён, он полностью отсутствовал во время последнего оледенения. Более того, имеются чёткие данные о том, что такая же ситуация имела место и на Северо-Востоке Азии (Давидович 1974; Гольдфарб, Ложкин 1975).

пятнистого конька) не имели конкурентов, а начиная с Северной Монголии перед ними находилось практически непрерывное «экологическое русло», все они должны были ещё в раннем голоцене заселить горы Сибири – на восток до Охотского побережья.

Уже в атлантическом периоде голоцена (8-5 тыс. лет назад) климат Монголии вновь стал аридным, причём даже более аридным, чем в современную эпоху (Вишпер и др. 1976). Это привело к деградации лесов и кустарниковой субальпикки и вымиранию популяций наших видов в горах Южной Монголии. Видимо, ещё в самом начале этого времени прекратил здесь своё существование и экологический «мост суши», тем самым положив конец фаунистическому обмену горно-лесными и высокогорными видами между Центральной и Северной Азией.

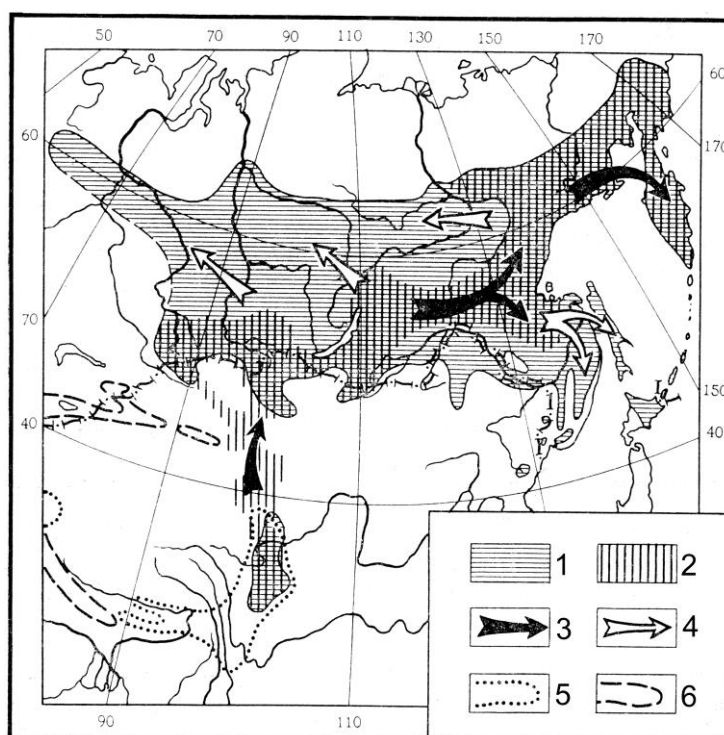

Рис. 3. История расселения соловья-красношейки *Calliope calliope*.
1 – современный ареал; 2 – вероятный ареал в раннем-среднем голоцене; 3 – вектор расселения этого времени; 4 – то же в позднем голоцене и в настоящее время; 5-6 – современные ареалы близких видов (вероятно, вытеснение из Восточного Тянь-Шаня в среднем голоцене).

Однако на юго-восточной периферии Дальнего Востока эти виды столкнулись с совершенно иной ландшафтной и экологической обстановкой. Тёплый и сухой климат этого района в начале-середине голоцена (Прозоров 1972; Хотинский 1977, Tsukada 1967; Horie 1976) вызвал мощную экспансию в горы и на север широколиственных, главным образом дубовых лесов (Караулова, Назаренко 1972; Караулова и др. 1978; Боярская, Чернюк 1976; Короткий и др. 1976). Таёжные леса отступили в верхние части гор и резко уменьшили занимаемую площадь. Ещё в большей степени деградировал высокогорный ландшафт. По оценке Короткого (Короткий и др. 1976), 8-5 тыс. лет назад высоко-

горный пояс в южном Сихотэ-Алине прекратил своё существование как ландшафтное явление на вершинах ниже 1800 м н.у.м.

Итак, на крайнем юге Дальнего Востока эти виды столкнулись с обстановкой «островных» высокогорий, причём в то время в Сихотэ-Алине и других горных районах эти экологические «острова» были менее многочисленными, чем в современную эпоху, имели меньшую площадь и находились на большем удалении друг от друга (рис. 1). А горные склоны и межгорные пространства были заняты широколиственными, смешанными и, на севере, темнохвойными лесами – экологической средой, в которой эти виды существовать не могли, как не существуют и в настоящее время (Назаренко 1971). Тем не менее, их современные ареалы дают нам убедительные доказательства того, что они успешно, хотя и в разной степени, справились с задачей заселения страны в условиях отсутствия непрерывного «экологического русла».

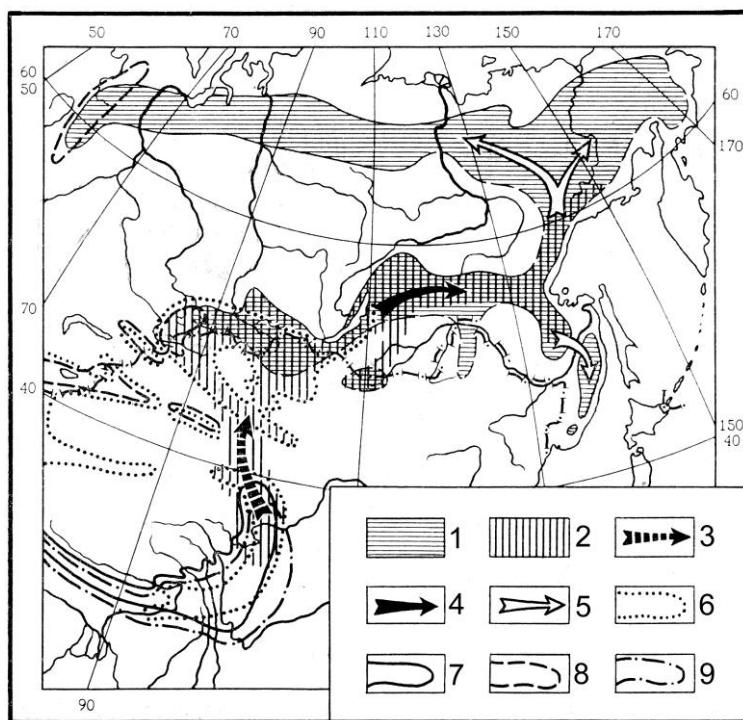

Рис. 4. История расселения сибирской завирушки *Prunella montanella*.

1 – современный ареал; 2 – вероятный ареал в позднеледниковье – начале голоцена;
3 – вероятный вектор расселения в раннем голоцене; 4 – вектор расселения в раннем-среднем голоцене;
5 – то же в позднем голоцене и в настоящее время; 6-9 – современные ареалы близких видов со сходными или идентичными нишами (вероятно вытеснение из Восточного Тибета и Юго-Западной Монголии в раннем-среднем голоцене).

Едва ли этот процесс протекал равномерно во времени. Скорее всего, вначале он был до крайности замедлен, но резко интенсифицировался на протяжении последних двух тысячелетий, когда в связи с похолоданием и увлажнением климата началась очередная экспансия темнохвойной и лиственничной тайги, марей (Прозоров 1972), а верхняя граница леса опустилась до современного уровня (Короткий и др. 1976), резко умножив число гольцовых «островов» (рис. 1). Тем не ме-

нее, характер простираания ареалов данных видов, наличие в смежных горных районах подходящей и явно вакантной экологической среды и прямые наблюдения свидетельствуют, что процесс заселения дальневосточных высокогорий не достиг завершения и по настоящее время. Так, в 1965-1966 годах произошло скачкообразное и успешное заселение сибирской завирушкой южного Сихотэ-Алиня (Назаренко 1979).

Воздействие человека на природные ландшафты также привнесло ряд стимулирующих моментов в этот процесс. К ним относятся как вторичное увеличение площади высокогорных «островов» — за счёт снижения верхней границы леса в результате пожаров, так и создание экологической обстановки для возникновения вторичных промежуточных поселений в межгорных пространствах. Последним способом, например, в настоящее время происходит заселение высокогорного «архипелага» на севере Корейского полуострова популяцией *S. calliope*. В субальпике Чанбайшаня этот вид ещё не найден (Чэнь Пэн 1963), но обитает в этом районе на высотах 800-1000 м н.у.м. в лесном поясе. Цепочка подобных явно вторичных поселений существует севернее этого района, в частности, в ряде мест юго-западного Приморья (рис. 3).

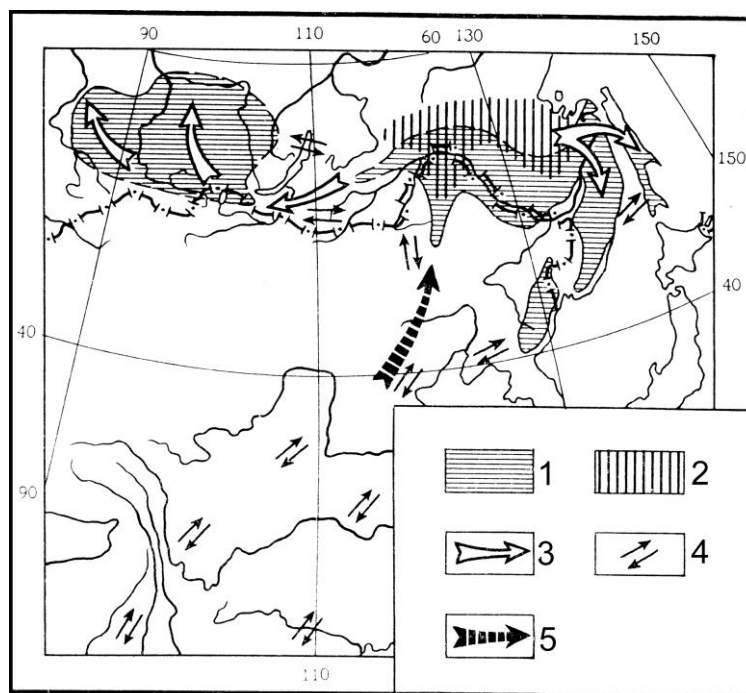

Рис. 5. История расселения толстоклювой пеночки *Phylloscopus schwarzi*.

- 1 — современный ареал; 2 — вероятный ареал в раннем-среднем голоцене;
3 — вектор современного расселения; 4 — направление современных сезонных миграций;
5 — вероятный вектор позднеплейстоценового расселения предковой формы.

Из всего изложенного выше следует, что предгорные и межгорные поселения данных видов нельзя трактовать в качестве реликтов плейстоценовой стадии расселения, как я полагал ранее (Назаренко 1971). Более того, данные о динамике природной среды на юге Дальнего Востока в голоцене и учёт степени воздействия человека на современные

ландшафты заставляют считать почти все подобные поселения вторичными, сложившимися на протяжении нескольких последних столетий. Лишь поселения пятнистого конька, связанные с лиственничными лесами и марями, и «равнинные» поселения сибирской чечевицы на Северном Сахалине (Нечаев 1977) возникли естественным путём, видимо, на протяжении двух последних тысячелетий.

История голоценового и современного расселения видов данной группы, в принципе (за одним исключением) сходная, у каждого вида имеет свои индивидуальные черты. По степени сходства группу можно разделить на три подгруппы. Типичным примером первой, самой крупной, может служить соловей-красношейка (рис. 3). Индивидуальные черты других видов данной подгруппы проявляются, в частности, в разной степени заселения тихоокеанской окраины материка. В наибольшей степени в этом преуспел пятнистый конёк, заселивший все потенциально пригодные районы, в наименьшей – сибирская горихвостка и бурая пеночка. Примером второй подгруппы, специфической чертой которой является отсутствие современных изолятов в Центральной Азии, может служить сибирская завирушка (рис. 4). Аналогичную историю расселения, по моему мнению, имела сибирская чечевица. Наконец, третья подгруппа представлена толстоклювой пеночкой. Отсутствие вида в Монголии и Забайкалье и направление современных сезонных миграций свидетельствуют о том, что история голоценового расселения этой птицы отличалась от таковой других видов группы (рис. 5). В настоящее время толстоклювая пеночка переживает энергичную территориальную экспансию, связанную с освоением новой ниши – антропогенных древесно-кустарниковых редколесий. До начала этой экспансии ареал вида был, вероятно, ограничен горным районом в бассейне Среднего Амура. Возможно, по этой же причине произошла почти полная «измена» первичному местообитанию – верхней границе леса (Назаренко 1971).

Я глубоко признателен А.М.Короткому за многочисленные консультации по вопросам четвертичной палеогеографии Дальнего Востока и П.Г.Горовому – за ценные советы по флоре дальневосточных высокогорий.

Л и т е р а т у р а

- Александров С.М. 1973. *Остров Сахалин*. М.: 1-183.
- Бёме Р.Л. 1960. Возникновение орнитофауны высокогорных ландшафтов Кавказа // *Орнитология* 3: 331-339.
- Боярская Т.Д., Савченко И.Ф., Сохина Э.Н., Чернюк А.В. 1975. Сопряжённое изучение разреза новейших отложений южного побережья Сахалинского залива // *Вопросы географии Дальнего Востока* 16: 158-165.
- Боярская Т.Д., Чернюк А.В. 1976. Развитие растительности Нижнего Приамурья в голоцене по палинологическим данным // *История биогеоценозов СССР в голоцене*. М.: 273-278.
- Величко А.А. 1973. *Природный процесс в плейстоцене*. М.: 1-256.

- Вишпер П.Б., Дорофеев Н.И., Метельцева Е.П., Соколовская В.Т., Шулия К.С. 1976. Опыт реконструкции растительности Западной и Центральной Монголии в голоцене на основе изучения донных отложений пресных озёр // *Структура и динамика основных экосистем МНР*. Л.: 35-59.
- Гольдфарб Ю.И., Ложкин А.В. 1975. История растительности Северо-Востока СССР в позднем плейстоцене и голоцене // *Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода* **43**: 78-89.
- Гравис Г.Ф., Лисун А.М. 1974. Ритмостратиграфия четвертичных отложений Монголии по палинологическим данным и история развития многолетнемерзлых горных пород // *Геокриологические условия Монгольской Народной Республики*. М.: 148-486.
- Грубов В.И. 1976. Итоги флористических исследований в МНР за последние два десятилетия (1955-1974 гг.) // *Структура и динамика основных экосистем МНР*. Л.: 7-17.
- Давидович Т.Д. 1974. Развитие растительности Камчатки в плейстоцене по данным пыльцевого анализа // *Тр. Сев.-Вост. комплекн. ин-та* **59**: 93-108.
- Девяткин Е.В. 1977. История развития речных долин Монголии // *Речные системы и мелиорация*. Новосибирск, 1: 52-55.
- Девяткин Е.В., Мурзаева В.Э. 1975. Плейстоценовые озера Монголии // *История озёр и внутренних морей аридной зоны*. Л.: 98-103.
- Девяткин Е.В., Малаева Е.М., Мурзаева В.Э., Шелкопляс В.Н. 1978. Плувиальные плейстоценовые бассейны Котловины Больших Озёр Западной Монголии // *Изв. АН СССР*. Сер. геогр. 5: 89-99.
- Заморуев В.В. 1973. Четвертичное оледенение Забайкалья // *Изв. Всесоюз. геогр. общ-ва* **105**, 3: 229-236.
- Караулова Л.П., Назаренко Е.М. 1972. К характеристике климата Приморья в антропогене по данным споро-пыльцевого анализа // *Проблемы изучения четвертичного периода*. М.: 388-392.
- Караулова Л.П., Короткий А.М., Гвоздева И.Г. 1978. Пространственно-временная эволюция растительных сообществ голоцена на территории Приморья // *Палинологические исследования на Дальнем Востоке*. Владивосток: 91-100.
- Кищинский А.А. 1974. Арктоальпийская авифауна и её происхождение // *Зоол. журн.* **53**, 7: 1036-1051.
- Кищинский А.А. 1976. Основные элементы горных фаун Северо-Востока Сибири и Северо-Запада Америки и этапы формирования этих фаун (по данным биогеографического анализа) // *Берингия в кайнозое*. Владивосток: 368-375.
- Коржуев С.С., Корина Н.А., Нацаг Д. 1977. О древнем оледенении Западного Хангая (МНР) // *Докл. АН СССР* **237**, 1: 177-179.
- Короткий А.М. 1976. Мерзлотные и нивационные образования в вершинном поясе Сихотэ-Алиня // *Климатическая геоморфология Дальнего Востока*. Владивосток: 100-123.
- Короткий А.М., Караулова Л.П. 1976. Радиоуглеродный (C_{14}) контроль четвертичной стратиграфии Приморья // *Геоморфология и четвертичная геология Дальнего Востока*. Владивосток: 98-111.
- Короткий А.М., Караулова Л.П., Пушкарёв В.С. 1976. Климат и колебания вертикальных ландшафтных зон Сихотэ-Алиня в голоцене // *Геоморфология и четвертичная геология Дальнего Востока*. Владивосток: 1112-129.
- Котляков В.М., Кренке А.Н., Гросвальд М.Г. 1978. Новый взгляд на современное и древнее оледенение Памира и Гиссаро-Алая // *Изв. АН СССР*. Сер. геогр. 5: 5-22.
- Мурзаев Э.М. 1966. *Природа Синьцзяна и формирование пустынь Центральной Азии*. М.: 1-382.
- Назаренко А.А. 1971. Летняя орнитофауна высокогорного пояса Южного Сихотэ-Алиня // *Тр. заповедника «Кедровая падь»* **2**: 99-126.

- Назаренко А.А. 1977. К истории орнитофауны сибирско-дальневосточной тайги. Последняя – голоценовая стадия обогащения центральноазиатскими элементами // *7-я Всесоюз. орнитол. конф.: Тез. докл.* Киев, 1: 19-21.
- Назаренко А.А. 1979. О птицах высокогорий Сихотэ-Алиня // *Биология птиц юга Дальнего Востока СССР*. Владивосток: 3-15.
- Нечаев В.А. 1977. Сибирская чечевица на Сахалине // *Бюл. МОИП. Отд. биол.* **82**, 3: 31-39.
- Потапов Р.Л. 1966. Птицы Памира // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* **39**: 3-119.
- Прозоров Ю.С. 1972. Эволюция и современное состояние болот Приамурья в связи с изменениями климата и базиса эрозии // *Проблемы изучения четвертичного периода*. М.: 436-441.
- Равский Э.И. 1972. *Осадконакопление и климаты Внутренней Азии в антропогене*. М.: 1-336.
- Серебровский П.В. 1937. Этюды по истории птиц Палеарктики // *Изв. АН СССР. Сер. биол.* 4: 1185-1210.
- Сидоров Л.Ф., Потапов Р.Л. 1965. К истории лесов Памира и прилегающих областей в позднечетвертичное время // *Бот. журн.* **50**, 6: 765-774.
- Сушкин П.П. 1928. Высокогорные области земного шара и вопрос о родине первобытного человека // *Природа* 3: 249-280.
- Толмачев А.И. (ред.) 1974. *Эндемичные высокогорные растения Северной Азии*. М.: 1-336.
- Тугаринов А.Я. 1929. О происхождении арктической фауны // *Природа* 7/8: 653-680.
- Хотинский Н.А. 1977. *Голоцен Северной Евразии*. М.: 1-200.
- Чэнь Пэн 1963. Птицы хребтов Чанбайшань и их вертикальное распространение // *Acta Zool. Sin.* **15**, 4: 648-664 (кит.).
- Шмидт Г.А. 1974. Основные типы рельефа Монголии // *Геоморфология зарубежных стран*. М.: 92-108.
- Cheng Tso-hsin 1976. *A distributional list of Chinese birds*. 2nd ed. Peking: 1-1280.
- Gohara Y. 1976. Climatic fluctuations and sea level changes during the Latest Pleistocene and Early Holocene // *Pacif. Geol.* **11**: 87-98.
- Horie Sh. 1976. Lake Biwa sediment stratigraphy and the glacial evidences on Japanese high mountains // *Proc. Japan Acad.* **52**, 5: 203-206.
- Li Yung-chao, P'an Chien-ying, Ts'ao Chao-yüan, Hu Ching-cniang, Chou Mu-lin, Ch'en Mao-nan, Wang Shu-fang, Chang Chi-liang 1973. Quaternary glaciation of China // *Acta Geol. Sin.* 1, 1: 94-101.
- Ono Yu, Hirakawa K. 1975. Glacial and periglacial morphogenetic environments around the Hidaka Range in the Würm Glacial Age // *Geogr. Rev. Japan* **48**, 1: 1-26.
- Reinig W.F. 1937. *Die Holarktis*. Jena: 1-124.
- Sakaguchi Y. 1976. Characteristics of Ozegahara deposits and climatic changes since Late Glacial in Central Japan // *Bull. Dep. Geogr. Univ. Tokyo* **8**: 1-20.
- Sarnthein M. 1978. Sand deserts during glacial maximum and climatic optimum // *Nature* 272 (5648): 43-46.
- Singh G. 1977. Stratigraphical and palynological evidence for desertification in the Great Indian Desert // *Ann. Arid Zone* **16**, 3: 310-320.
- Stegmann B. 1932. Die Herkunft der paläarktischen Taiga-Vögel // *Arch., Naturgesch.* **1**, 3: 355-398.
- Tadaka Sh. 1976. On the geological succession and vertical distribution of forest vegetation ever since late glacial period in Hakkoda mountains // *J. Aomori Biol. Soc.* **15**, 12: 14-19.
- Tsukada M. 1967. Vegetation and climate around 10,000 B. P. in Central Japan // *Amer. J. Sci.* **265**, 7: 562-585.

Vaurie Ch. 1959. *The Birds of the Palearctic Fauna*. London: 1-762.

Wang Chi-Wu 1961. *The forests of China, with a survey of grassland and desert vegetation*. Harward, Mass.: 1-313.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск 1383: 5019-5021

Новые виды птиц для Большеземельской тундры

В.В.Морозов

Владимир Викторович Морозов. ФГБУ Всероссийский научно-исследовательский институт охраны окружающей среды (ВНИИЭкология), усадьба Знаменское-Садки, г. Москва, 117628, Россия. E-mail: piskulka@rambler.ru

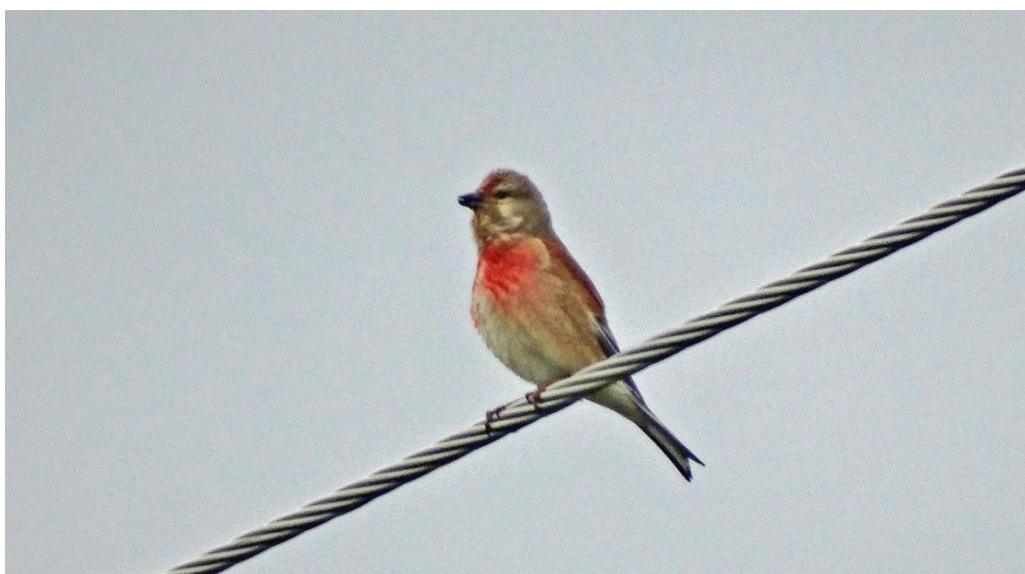
Поступила в редакцию 19 декабря 2016

Фауна тундр европейской части России изучена весьма полно, для некоторых частей этой обширной зоны существуют подробные фаунистические сводки, в частности, для Большеземельской тундры, занимающей пространство между рекой Печорой и Уральским хребтом (Минеев, Минеев 2012). Тем не менее, исследования последних лет позволили выявить для названного региона новые виды птиц, которые там никогда ранее не отмечали.

***Locustella naevia*.** Поющего самца обыкновенного сверчка, державшегося в необычном для тундры растительном сообществе, сформированном зарослями вейника Лангсдорфа *Calamagrostis purpurea* ssp. *langsдорffiana* и хвощей, разросшихся под пологом разреженных кустов ивы шерстистопобеговой *Salix dasyclados*, я наблюдал 29 июня 2015 возле посёлка Советского, расположенного в 13 км восточнее города Воркуты. Это сообщество образовалось за 15 лет на отвалах коренных пород, отсыпанных в виде берегового вала при прокладке нового русла реки Юнъяхи. Новое русло было прорыто, чтобы отвести воды реки в сторону от разрабатывавшегося шахтным способом угольного месторождения, дабы вода не затапливала горные выработки при проседании и обвалах породы. Благодаря хорошему дренажу и отсутствию близкого залегания вечной мерзлоты, на изначально голых отвалах сформировались заросли древовидных ив и луговое высокотравье, которые не могут произрастать на водоразделах и встречаются в основном в поймах рек, где имеются так называемые «талики» — участки без мерзлоты или с её глубоким залеганием. Птицу хорошо удалось рассмотреть с близкого расстояния в бинокль с увеличением 10×. Характерными признаками, которые позволили мне однозначно принять решение о видовой принадлежности сверчка, было отсутствие пестрин не

только на горле и груди, но и совсем слабая исчерченность пестринами боков и зоба. Самец периодически негромко пел, вылезая на верхние части стеблей вейника или на нижние ветки ивняков, однако на верхушки кустов вылетать не пытался. Он держался в описанном месте целый день, но на следующие сутки там не найден. Это свидетельствует о том, что я имел дело с залётной птицей. Северную границу области гнездования обыкновенного сверчка некоторые исследователи проводят в верховьях рек Камы и Вятки (Рябицев 2008), тогда как другие севернее – по верховьям реки Вычегды, несколько южнее Сыктывкара и у города Котласа на реке Сухоне (Сотников 2006). Правда, в окрестностях Сыктывкара гнездование обыкновенного сверчка не доказано, там отмечали только пролётных птиц (Кочанов 1992).

***Acanthis cannabina*.** Самец коноплянки в ярком брачном наряде (см. рисунок) встречен на окраине посёлка Советского в зарослях высоких ивняков около русла реки Юнъяхи тоже 29 июня 2015. Он периодически активно пел, сидя на проводах линии электропередачи возле небольшого строения жилищно-коммунальной организации, обслуживающей очистные сооружения посёлка. В промежутках между пением птица кормилась на земле между сорняками или среди листового опада у кромки ивовых зарослей. На следующий день и позднее коноплянку ни в посёлке, ни на его околицах обнаружить не удалось.

Поющий самец коноплянки *Acanthis cannabina*. Околица посёлка Советского, окрестности города Воркуты. 29 июня 2015. Фото В.В.Морозова.

Как и у сверчка, северная граница гнездового ареала коноплянки далеко не доходит до тундровой зоны, особенно на северо-востоке европейской части России. В Предуралье коноплянка не встречается севернее верховьев Печоры (Рябицев 2008), откуда границу ареала проводят к Архангельску (Паровщиков 1959; Степанян 2003; Рыкова 2012). Самым северным пунктом регистрации вида к востоку от Белого моря

пока остаётся посёлок Мезень (Леонович 1986), а не полуостров Канин, как написано в книге С.Ю.Рыковой (2012).

Появление этих нехарактерных для тундровой зоны птиц столь далеко на севере, по всей видимости, было связано с мощным циклоном, который накануне пришёл в окрестности Воркуты с запада. Стоявшая в окрестностях города 24-27 июня тёплая погода (ночью +8-9°C, днём +18-20°C), безветренная ночью и со слабыми ветрами южных румбов днём, во второй половине дня 28 июня сменилась – подул очень сильный западный ветер, но температура воздуха продолжала оставаться высокой. Утром 29 июня ветер сменился на северо-западный, продолжая дуть с прежней силой, дневная температура упала до +12°C, а к ночи до +3-5°C. Наступило похолодание, сопровождавшееся северными ветрами, которое продлилось вплоть до 2 июля. Допустимо предполагать, что мигрирующие или кочующие птицы были захвачены быстро движущимся циклоном и были перемещены слишком далеко от места, где они были вовлечены в быстро движущиеся воздушные массы.

Правда, сроки, в которые птицы появились под Воркутой, поздние, даже для времени миграции сверчков, и это, казалось бы, противоречит выдвинутому предположению. Однако, дальние летние (документированные) залёты птиц, например, горного конька *Anthus spinoletta*, белозобого дрозда *Turdus torquatus* и горной чечётки *Acanthis flavirostris*, гнездящихся на Кольском полуострове, известны для окрестностей Архангельска (Паровщиков 1959), а для горной чечётки даже для полуострова Ямал (Андреев 2016).

Литература

- Андреев В.А. 2016. К орнитофауне побережий Байдарацкой губы Карского моря // *Рус. орнитол. журн.* **25** (1283): 1663-1681.
- Кочанов С.К. 1992. Птицы городов республики Коми // *Серия препринтов «Научные доклады»* **302**. Сыктывкар: 1-36.
- Леонович В.В. (1986) 2010. Изменения в авифауне юга полуострова Канин // *Рус. орнитол. журн.* **19** (554): 405-407.
- Минеев Ю.Н., Минеев О.Ю. 2012. *Птицы Большеземельской тундры и Югорского полуострова*. СПб.: 1-383.
- Паровщиков В.Я. (1959) 2008. Новые данные по воробьиным птицам Архангельского севера // *Рус. орнитол. журн.* **17** (394): 25-27.
- Рыкова С.Ю. 2012. *Птицы Беломорско-Кулойского плато: монография*. Архангельск: 1-188.
- Рябицев В.К. 2008. *Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: Справочник-определитель*. Изд. 3-е, испр. и доп. Екатеринбург: 1-634.
- Сотников В.Н. 2006. *Птицы Кировской области и сопредельных территорий*. Том 2. Воробьинообразные. Ч. 1. Киров: 1-448.
- Степанян Л.С. 2003. *Конспект орнитологической фауны России и сопредельных регионов (в границах СССР как исторической области)*. М.: 1-808.

Первая зарубежная находка зарнички *Phylloscopus inornatus*, окольцованной на Куршской косе Балтийского моря

А.П.Шаповал

Анатолий Петрович Шаповал. SPIN-код: 8279-9210. Биологическая станция «Рыбачий»,
ФГБУН Зоологический институт РАН, посёлок Рыбачий, Калининградская область,
238535. Россия. E-mail: apshap@mail.ru

Поступила в редакцию 19 декабря 2016

Пеночка-зарничка *Phylloscopus inornatus* – один из самых обычных залётных сибирских видов птиц, который ежегодно осенью наблюдается и отлавливается для кольцевания во многих странах Европы (Glutz Blotzheim, Bauer 1991). На Куршской косе Балтийского моря каждый год ловится от нескольких до полутора десятков особей. С 1956 по 2013 год здесь поймано и окольцовано 125 зарничек (Bolshakov *et al.* 2014). С учётом результатов отлова за последние три года общая сумма пойманных птиц возросла до 146 птиц (наши данные).

Осенью 2016 года на Куршской косе отловлено 10 зарничек. Из них 4 отловлены на полевом стационаре «Фрингилла» большими рыбацкими ловушками – 23 сентября, 2 октября (2 особи) и 16 октября, а 6 особей пойманы паутинными сетями на полевом стационаре «Рыбачий» – 15, 23, 25, 27 (2 особи) и 29 сентября. До настоящего времени ни одной дальней находки от окольцованных птиц на Куршской косе не было. В этом году одна такая встреча произошла. Одна из зарничек (молодая птица), помеченная 2 октября 2016 на полевом стационаре «Фрингилла» (55.05° с.ш., 20.44° в.д.), повторно отловлена 8 октября 2016 в Ирландии (Waterford, Brownstown Head, 52.07° с.ш., 7.08° в.д.). Птица всего за 6 дней преодолела расстояние (азимут 260°) не менее 1832 км, показав среднесуточную скорость перемещения в 305 км. Интересно отметить, что и при кольцевании, и при повторном отлове эта птица была осмотрена и измерена. В первом случае длина крыла составила 60 мм, а во втором – 59 мм, видимые запасы подкожного жира оценены, соответственно, баллами «средне» и «мало». Масса тела в обоих случаях была достаточно высокой: при кольцевании 6.6 г, а при повторном отлове – 7.0 г (несмотря на дальний перелёт).

Работа выполнена в рамках гостемы 01201351182.

Литература

- Bolshakov K.V., Shapoval A.P., Zelenova N.P. 2014. Results of bird trapping and ringing by the Biological Station «Rybachy» on the Courish Spit in 2013 // *Avian Ecol. Behav.* **25**: 27-60.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск 1383: 5023-5024

Об эффективности использования грецких орехов врановыми птицами в городе Алматы

Ф.Ф.Карпов

Фёдор Фёдорович Карпов. Союз охраны птиц Казахстана. E-mail: karpovfedorf@rambler.ru

Поступила в редакцию 19 декабря 2016

О питании врановых птиц плодами грецкого ореха *Juglans regia* известно давно (Симаков 1968; Доника 1969; Аверин и др. 1970; Аверин и др. 1971; Якоби 1974; Беньковский и др. 1994; Луговой 1995; Карпов 2007; Забашта 2014). Большинство опубликованных в русской литературе материалов по этому вопросу относятся к территории Молдавии, Украины и юга России. Там грецкий орех культивируется издавна и достаточно широко, врановые птицы, в силу своих высоких адаптивных возможностей, умело справляются с крепкой скорлупой орехов и извлечением съедобных ядрышек и имеют длительный опыт в использовании этого корма. В городе Алматы, где широкое распространение грецкого ореха произошло относительно недавно (в последние три десятилетия), кормовое поведение грачей *Corvus frugilegus*, серой *Corvus cornix* и чёрной *Corvus corone orientalis* ворон заметно отличается от такового в упомянутых странах.

Основным способом извлечения съедобной сердцевинки у грецких орехов для зимующих в Алматы грачей и ворон является расщепление ударами клюва шва, соединяющего половинки ореха. Для этой процедуры сорванные с дерева орехи птицы несут на растущие вблизи (или не очень) деревья с шершавой корой и крупными горизонтально растущими ветками, подходящими для фиксации круглых предметов. Здесь птицы и устраивают свои «кузницы», пытаясь расколоть твёрдую скорлупу. Обычно в условиях нашего города такими породами деревьев являются мелколистный вяз *Ulmus* sp. или дубы *Quercus* sp. Часто для «кузниц» используются также плоские вершины столбов ЛЭП. Сбор орехов на земле или попытки их там же расколоть в наших местах наблюдались крайне редко. Более того, если неудачно укрепленный в «кузнице» орех падает вниз, то птица теряет к нему интерес и, как правило, даже не делает попыток его подобрать.

Под шестью такими «кузнецами» в течение месяца было обнаружено 206 орехов (от 10 до 46). Из них 166 (80.58%) оказались целыми, и только 40 (19.41%) расколотыми. Как видно, эффективность использования птицами грецких орехов в Алматы невысокая.

Другой способ расколоть орех (чаще применяемый серой вороной) – сбрасывание его с высоты на твёрдую поверхность – не так характерен для Алматы, как для южной России и Украины (Якоби 1974; Луговой 1995), и больше походит здесь на случайное явление.

Такие различия в поведении одних и тех же видов в разных географических точках, скорее всего, зависят от продолжительности использования птицами данного кормового объекта. В Алматы грецкий орех пока ещё не является массовым деревом. При этом имеет значение не только количество, но и качество орехов (толщина и крепость скорлупы). Дело в том, что в нашем городе первоначально приживались только близкие к дикорастущим сорта орехов. Они не вымерзали в суровые зимы и при весенних заморозках, но имели низкий урожай и мелкие с крепкой скорлупой плоды. В последнее время климат на юго-востоке Казахстана становится заметно мягче, благодаря чему в древесных насаждениях города (главным образом частного сектора), появляется больше деревьев грецкого ореха. Значительная их часть уже относится к сортам с относительно тонкой скорлупой, что увеличивает их значимость в питании зимующих в городе врановых птиц.

Л и т е р а т у р а

- Аверин Ю.В., Ганя И.М. 1970. *Птицы Молдавии*. Кишинёв, 1: 1-240.
- Аверин Ю.В., Ганя И.М., Успенский Г.А. 1971. *Птицы Молдавии*. Кишинёв, 2: 1-252.
- Беньковский Л.М., Беньковская И.Л. 1994. Участие серой вороны, грача и сороки в распространении грецкого ореха в Краснодарском крае // *Современная орнитология*. М.: 220.
- Доника И.С. 1969. О хозяйственном значении грача и галки в Молдавии // *Вопросы экологии и практического значения птиц и млекопитающих Молдавии*. Кишинёв, 3: 41-53.
- Забашта А.В. 2014. Врановые и грецкий орех // *Рус. орнитол. журн.* 23 (1028): 2295-2298.
- Карпов Ф.Ф. 2007. Трофические связи птиц с древесно-кустарниковыми породами в зелёных насаждениях г. Алматы // *Каз. орнитол. бюл.* 2006: 208-213.
- Луговой А.Е. 1995. Орнитологическая обстановка на Ужгородском аэродроме // *Беркут* 4, 1/2: 76-84.
- Симаков Г. 1968. Сообразительные вороны // *Наука и жизнь* 1: 60.
- Якоби В.Э. 1974. *Биологические основы предотвращения столкновений самолётов с птицами*. М.: 1-167.

Прилёт и отлёт чёрного стрижа *Apus apus* в Новоржевском районе Псковской области

Э.В.Григорьев

Эдуард Вячеславович Григорьев. Новоржевский историко-краеведческий музей.
Деревня Дубровы, Новоржевский район, Псковская область, 182457, Россия.
E-mail: edik.grigoriev2016@yandex.ru

Поступила в редакцию 18 декабря 2016

Прилёт и отлёт чёрных стрижей *Apus apus*
в Новоржевском районе Псковской области

Годы	Первая встреча	Валовой прилёт	Последняя встреча
1987	—	—	27 августа
1988	16 мая	—	—
1992	20 мая	—	—
1994	18 мая	—	18 августа
1995	17 мая	—	30 августа
1996	12 мая	—	22 августа
1997	11 мая	13 мая	8 августа
1998	11 мая	17 мая	13 августа
1999	21 мая	22 мая	28 августа
2000	11 мая	25 мая	20 августа
2001	15 мая	17 мая	21 августа
2002	16 мая	27 мая	15 августа
2003	13 мая	20 мая	16 августа
2004	5 мая	22 мая	18 августа
2005	16 мая	21 мая	19 августа
2006	13 мая	21 мая	—
2007	—	—	12 августа
2008	12 мая	18 мая	21 августа
2009	12 мая	18 мая	21 августа
2010	12 мая	17 мая	19 августа
2011	12 мая	17 мая	14 августа
2012	11 мая	17 мая	10 августа
2013	16 мая	17 мая	8 августа
2014	15 мая	18 мая	12 августа
2015	20 мая	21 мая	14 августа
2016	14 мая	23 мая	10 августа

Птенец-слётка чёрного стрижа *Apus apus*, выпавший из гнезда на чердаке двухэтажного дома. Город Новоржев. 8 августа 2012. Фото автора.

В таблице представлены многолетние наблюдения за прилётом и отлётом чёрного стрижа *Apus apus* в юго-западной части Новоржевского района Псковской области. За 24 года появление первых особей отмечалось в среднем 14 мая, самая ранняя дата – 5 мая 2004, самая поздняя – 21 мая 1999. Массовый прилёт в среднем происходит 20 мая (за 19 лет); самая ранняя дата – 13 мая 1997, самая поздняя – 27 мая 2002. Последняя встреча в среднем за 23 года – 17 августа, самая ранняя дата – 8 августа 1997, самая поздняя – 30 августа 1995. Отлёт происходит в период вылета молодых из гнёзд. Длительность пребывания чёрных стрижей в районе исследования в разные годы варьировала от 74 до 110 дней и в среднем составила 95 дней.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск 1383: 5026-5027

Серпоклюв *Ibidorhyncha struthersii* в Киргизии

А.И.Янушевич, А.Кыдыралиев

Второе издание. Первая публикация в 1976*

В Киргизии серпоклюв *Ibidorhyncha struthersii* обитает по горным рекам: Ак-Сай, Арпа, Ат-Баши, верховья Нарына, система реки Сары-Джаз (Куелю, Инылчек, Каинды), Кара-Куджур, Сусамыр, некоторые реки Алтайского и Заалайского хребтов, а также широкие горные ущелья, как Тцрген, Алашан по Терской Ала-Тоо. Распространён в преде-

* Янушевич А.И., Кыдыралиев А. 1976. Краткие сообщения о серпоклюве // Тр. Окского заповедника 13: 134.

лах от 2000 до 3500 м над уровнем моря. Зимой спускается ниже, часть улетает на юг. Всюду малочисленная птица. Например, по галечниковой пойме реки Ат-Баши на протяжении 40-45 км и шириной до 2-3 км гнездятся всего 4-5 пар птиц. Такое же количество встречается по реке Ак-Сай. По пойме реки Кара-Куджур протяжением около 20 км и 1-1.5 км в ширину гнездятся всего 2-3 пары. В остальных местах серпоклювы встречаются лишь по одному-два.

На численность серпоклюва, кроме ограниченности мест гнездования, влияет подъём воды в реках, когда разрушаются не только кладки, но и погибают молодые. Причём сроки высокого подъёма воды обычно совпадают со сроками гнездования серпоклюва (май, июнь).

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск 1383: 5027-5030

К биологии обыкновенной кукушки *Cuculus canorus* в Центральной Якутии

А.Г.Ларионов

*Второе издание. Первая публикация в 1992**

Материалы для данного сообщения были собраны в 1980-1984 годах в северной части Лено-Амгинского междуречья.

В Центральной Якутии обыкновенная кукушка *Cuculus canorus* не представляет редкости. В гнездовой период её численность в 1983 году на лугах Лено-Амгинского междуречья составила: в центральной части (в среднем течении реки Суолы) 0.2 особи на 1 км², в западной части в районе посёлка Хатассы Намского района 0.6 ос./км². Наибольшая плотность населения обыкновенной кукушки – около 1.5 ос./км² – отмечена в районе среднего течения реки Татты (левый приток Алдана). Здесь зарегистрирован и наиболее высокий процент ($\approx 11\%$) «заражённых» кукушкой гнёзд воробьиных птиц, гнездящихся на лугах.

На местах гнездовий кукушки появляются в Центральной Якутии поздно – в третьей декаде мая. Их прилёт и первое кукование отмечалось 21 мая 1979, 24 мая 1980, 22 мая 1982 и 1983. Интересно отметить, что прилёт обыкновенных кукушек в более южные районы Восточной Сибири происходит примерно в те же сроки. Первое кукование в окрестностях Улан-Удэ в 1978-1981 годах отмечался соответственно 23, 29 и 26 мая (Доржиев, Хабаев 1984).

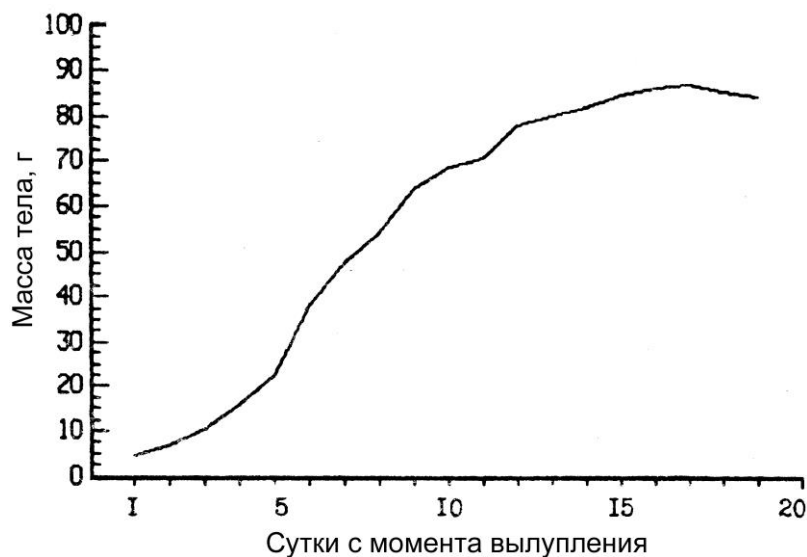
* Ларионов А.Г. 1992. К биологии обыкновенной кукушки в Центральной Якутии // Зоогеографические и экологические исследования животных Якутии. Якутск: 53-56.

Самки начинают откладку яиц в первых числах июня, а заканчивают почти в самом конце этого месяца (см. таблицу).

Сроки откладки яиц у кукушки *Cuculus canorus* и степного конька *Anthus richardi* в Центральной Якутии (Лено-Амгинское междуречье, 1978-1984 годы)

Вид	Число гнёзд, в которых началась откладка яиц – по декадам			
	Май	Июнь		
	3	1	2	3
<i>Cuculus canorus</i>	–	6	8	–
<i>Anthus richardi</i>	3	35	37	8

Яйца кукушки, отложенные в гнезда полевого жаворонка *Alauda arvensis*, лесного *Anthus trivialis* и степного *A. richardi* коньков, имели следующие размеры, мм: 25.5×18.1, 24.3×17.8, 24.4×17.8, 24.3×17.9. Все промеренные яйца были сходны по окраске с таковой у степного конька. В 4 кладках, за которыми удалось пронаблюдать, кукушки вылуплялись одновременно с птенцами хозяина, которых они выбрасывали из гнезда на 2-3 сутки после вылупления. Выброшенные птенцы и яйца лежали рядом с гнездом (в 5-10 см) и погибали, поскольку родители не обращали на них никакого внимания. Птенец кукушки, выкармливаемый степным коньком, покинул гнездо в возрасте 19 дней (см. рисунок).

Рост птенца обыкновенной кукушки *Cuculus canorus* в гнезде степного конька *Anthus richardi* (Лено-Амгинское междуречье, 1982 год).

Осенний пролёт кукушек в Центральной Якутии проходит в августе. Последние птицы задерживаются до первых чисел сентября.

У птиц, гнездящихся на лугах в Центральной Якутии, нами было отмечено 4 вида воспитателя обыкновенной кукушки: степной и лесной коньки, полевой жаворонок, белая трясогузка *Motacilla alba*. Из

них наиболее важным хозяином, в отличие от других частей ареала вида (Мальчевский 1987), оказался степной конёк. Яйца или птенцы кукушки были обнаружены в 8 из 84 его гнёзд, найденных нами. На втором месте по числу заражённых гнёзд стоит лесной конёк. В 4 из 63 просмотренных гнёзд этого вида находились яйца кукушки. В трёх случаях последние были выброшены насиживающей птицей. Подобное поведение лесного конька отмечалось ранее другими исследователями (Кисленко, Наумов 1967; Промптов 1940).

По одному разу яйца кукушки были отмечены нами в гнёздах полевого жаворонка (обследовано 91 гнездо) и белой трясогузки (обследовано 82 гнезда). Следует указать, что в отличие от других областей Сибири, где существует раса кукушки, специализирующаяся на подкладке яиц в гнёзда дубровника *Ocyris aureolus* (Мальчевский 1987), в просмотренных нами 66 гнёздах этой птицы яйца или птенцы кукушки не обнаружены.

В гнёздах птиц, обитающих на лугах и по опушкам леса (степной и лесной коньки, полевой жаворонок, белая трясогузка), яйца обыкновенной кукушки ($n = 14$) имели окраску, сходную с таковой у степного конька. Лишь в одном случае в гнезде степного конька яйцо кукушки было голубого цвета. Возможно, что именно поэтому коньки бросили это гнездо.

Поскольку степной конёк в открытых ландшафтах Центральной Якутии является основным воспитателем птенцов обыкновенной кукушки, сроки её размножения совпадают с таковыми у вида хозяина (см. таблицу), что, по мнению А.Д.Нумерова (1982), является важным приспособлением гнездового паразита.

В Центральной Якутии, кроме перечисленных выше видов, обыкновенная кукушка паразитирует в гнёздах соловья-красношейки *Luscinia calliope*, пеночки-таловки *Phylloscopus borealis* и желтобровой овсянки *Ocyris chrysophrys* (Ларионов, Гермогенов 1980). В гнёздах этих видов яйца кукушки были голубые, то есть совпадали по окраске с яйцами соловья-красношейки.

Можно предположить, что в Центральной Якутии встречаются две расы обыкновенной кукушки. 1) Лесная, откладывающая яйца, окрашенные по типу яиц соловья-красношейки. Эта раса широко распространена в Сибири (Балацкий 1990). 2) Раса, паразитирующая в гнёздах птиц открытых ландшафтов, с окраской яиц, сходной с таковой у степного конька. Кукушки этой расы распространены в Забайкалье (Мальчевский 1987). По мнению Ц.В.Доржиева и Г.М.Хабаева (1984), эта раса могла сформироваться на территории Монголии, и возможно, северная граница её распространения проходит в Забайкалье. Наши находки позволяют существенно расширить ареал кукушки этой расы дальше на север до Центральной Якутии (примерно до 63° с.ш.).

Литература

- Балацкий Н.Н. 1990. Экологическая раса обыкновенной кукушки гнездового паразита соловья-красношейки в Сибири // *Биол. науки* 4: 12-17.
- Доржиев Ц.З., Хабаев Г.М. 1984. К биологии обыкновенной кукушки в западном Забайкалье // *Тр. Окского заповедника* 15: 194-198.
- Ларионов Г.П., Гермогенов И.И. 1980. Материалы по экологии дубровника, седоголовой и желтобровой овсянок (Aves, Emberizidae) долины средней Лены // *Вестн. зоол.* 2: 12-17.
- Мальчевский А.С. 1987. *Кукушка и её воспитатели*. Л.: 1-264.
- Нумеров А.Д. 1982. Взаимосвязь сроков размножения обыкновенной кукушки и белой трясогузки // *Гнездовая жизнь певчих птиц*. Пермь: 51-56.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск 1383: 5030-5034

Врановые Закарпатья в XX столетии

А.Е.Луговой

Второе издание. Первая публикация в 2002*

На протяжении XX столетия орнитофауна Закарпатья подвергалась более или менее регулярному изучению трижды: в первой четверти века А.А.Грабаром (1931, 1932, с переизданием в 1997); в середине века группой советских специалистов (Кистяковский 1950; Портенко 1950; Страутман 1954, 1963); и в последней четверти века – автором данного сообщения и рядом исследователей молодого поколения. Всё это позволяет проследить динамику изменений в мире пернатых в Закарпатской области (до середины века – Подкарпатской Руси). Эти изменения были весьма существенны, коснулись они и врановых птиц.

Сойка *Garrulus glandarius*. Вид обычен как на Закарпатской равнине, так и в горах. Авторы, изучавшие птиц Карпат в XIX веке (Zawadzki 1840; Wodzicki 1851), отмечали эту птицу лишь на равнине и предгорьях. Впоследствии, в результате усилившихся рубок, которые привели к образованию множественных «окон» в сплошных лесных массивах, сойка уже в середине XX века продвинулась до верхней границы леса (1200-1300 м н.у.м.). К концу века усилилась синантропизация и началась урбанизация соек. Если в 1950-х годах Ф.И. Страутман указывал лишь на осенне-зимние залёты соек в парки, сады и на окраины населённых пунктов, то теперь эти птицы стали постоянным

* Луговой А.Е. 2002. Врановые Закарпатья в XX столетии // *Экология врановых птиц в антропогенных ландшафтах*. Саранск: 83-86.

элементом зимней орнитофауны сёл и городов, в первую очередь горных, например Рахова, где сойки регулярно кормятся во дворах вместе с домашней птицей. А на Закарпатской равнине, в Ужгороде, сойка стала в небольшом числе гнездиться в пригородных парках.

Сорока *Pica pica*. Сорока из выраженного урбофоба, что было характерно для начала XX века (Рахимов 2001), в условиях Закарпатья превратилась в стойкого урбаниста (классификация по: Божко 1971). Она в равной степени гнездится как в городах, так и в естественных угодьях. При этом общая численность сорок в Закарпатье за последние 50 лет существенно увеличилась (Луговой, Поттиш и др. 2001). В городах области сороки строят гнёзда даже на деревьях аллей вдоль дорог с интенсивным движением транспорта. Что касается естественных угодий, то там их гнездовой «ареал» разорван (Луговой 1986). Основная масса птиц поселяется на равнине, в предгорьях и широких долинах рек. Меньшее число сорок гнездится в сельхозугодьях Карпатских перевалов, которые уже давно освоены человеком (например, на Яблоньском перевале близ Ясиня). Между этими двумя очагами заселения пролегают лесные массивы на горных крутосклонах и узкие долины рек, не пригодные для гнездования сорок. В связи с продолжающейся вырубкой лесов разрыв между двумя очагами гнездования на протяжении XX века сократился. Любопытно, что зимой горная «несорочья» часть Карпат неожиданно становится востребованной данным видом птиц, но только вблизи сёл. Здесь встречаются небольшие группы сорок численностью до 2 десятков особей. Возможно, сюда, на южные мегасклоны, перекочёвывают сороки из северных Прикарпатских угодий, где климатические условия обитания суровее.

Кедровка *Nucifraga caryocatactes*. В качестве гнездящегося вида кедровка более характерна для северных прикарпатских склонов, чем для южных, закарпатских. Тем не менее, в Тячевском, Межгорском и Раховском районах, где наличествует елово-пихтовый лесной пояс, эти птицы гнездятся. Они особенно заметны на границе леса с субальпикой там, где растут стланики горной сосны. Искусственное увеличение площадей хвойных насаждений, практиковавшееся в конце XIX и начале XX веков, способствовало росту обилия кедровок в крае. Поскольку такой тип ведения лесного хозяйства теперь признан ошибочным, везде восстанавливают коренные буковые леса, и численность кедровок идёт на убыль. Этому способствует также сокращение площадей сосновых стлаников на полонинах (в субальпике). Осенью, в период созревания лещины, кедровки часто покидают высокогорные хвойные леса и появляются в более низких поясах Карпат. В эту пору птицы встречаются и близ населённых пунктов. Этим пока и ограничивается процесс синантропизации кедровок в регионе. Надо заметить, что в отдельные годы в Закарпатье прилетают с востока кедровки, относящие-

ся к подвиду *N. c. macrorhynchos*, в то время как местные птицы принадлежат к подвиду *N. c. caryocatactes*.

Галка *Corvus monedula*. Этот вид претерпел в Закарпатье существенные изменения. В отличие от многих регионов, в том числе и соседней Галиции, галка в Закарпатье вплоть до 1970-х годов оставалась урбофобом. Ни в городах, ни в сёлах не гнездилась. Численность галок была весьма низкой и в естественных угодьях, согласно А.А.Грабару – вследствие вырубки дуплистых деревьев. Обнаруженная колония галок в береговом обрыве близ посёлка Великий Бычков (Кучерко 1953) стала в середине века единственным достоверным местом гнездования этих птиц в горной части Закарпатья. Ф.И.Страутман галок там летом вообще не встречал. Не отметил галок и Л.А.Портенко, хотя исследовал в 1947 году птиц долины реки Уж почти на выходе её на равнину. Сейчас галка гнездится в Ужгороде, где заселяет обычные для вида места (застрехи и т.д.). В поймах рек особенно часто заселяет пустоты бетонных столбов ЛЭП среди полей и в речных поймах. В долине реки Уж гнездование прослежено вверх по течению вплоть до села Ставное, что недалеко от Ужоцкого перевала (889 м н.у.м.). Между тем в зимнее время мы галок в горной части Закарпатья практически не отмечали, хотя на равнине области, в том числе и в городах, она тут встречается в соотношении к массовому грачу как 1:10 (Луговой 1999). Осенний пролёт галок через Карпаты начинается не ранее октября. Обратный путь на север по времени растянут, и в зависимости от погодных условий проходит с февраля по апрель.

Грач *Corvus frugilegus*. Ситуация с грачом в начале XX века не ясна, поскольку А.А.Грабар при характеристике вида ограничился одним словом «обычен». В середине века А.Б.Кистяковский в Закарпатской низменности нашёл лишь одну гнездовую колонию в левобережье Тисы, в то время как сейчас в равнинной части области колоний насчитывается много. Только вдоль железнодорожной ветки Чоп – Берегово (расстояние 40 км, правобережье Тисы) из окна поезда можно наблюдать три большие колонии грачей, которые, надо полагать, ранее отсутствовали. В предгорной и горной части области грачиных колоний, как и в середине века, немного. А те, которые есть, невелики. Тем не менее, и здесь проглядывается тенденция к более активному внедрению грачей по долинам рек вглубь горной системы. Урбанизация закарпатских грачей (гнездовая популяция) находится на зачаточной стадии. В Ужгороде есть небольшая колония на окраине города (Дравцы), в Хусте – в центре города. Пожалуй, наиболее внушительные изменения коснулись периодов зимовок и перелётов. В конце века грач стал массовым транскарпатским мигрантом, что в прежние годы было не столь сильно выражено. Теперь в дневное время суток грач часто занимает до 90% и более от всех учтённых пролётных птиц. Так, через

долину Тисы близ Рахова в октябре-ноябре за день пролетает до 30 тысяч грачей (Луговой 1992). Хотя часть птиц пересекает горные хребты фронтально, основная масса грачей придерживается перевалов и речных долин, по которым пролетает в Закарпатскую низменность на зимовку. Последняя проходит вокруг и внутри городов – Ужгорода, Чопа, Мукачева, Берегова и других. Увеличение обилия грачей на пролёте в конце XX века, вероятно, связано с общим ростом численности этих птиц на Русской равнине, последовавшим вследствие посадок полезных лесополос в степной зоне; разрежения лесных массивов в лесной зоне; прокладкой опор ЛЭП и металлических ферм при электрификации железных дорог, позволивших грачам существенно расширить географию своего гнездования.

Серая ворона *Corvus cornix*. Серые вороны в Закарпатье в середине века имели, как и сороки, два очага распространения – в равнинно-предгорной части области и близ перевалов. Так, А.Б.Кистяковский не находил летом этих птиц в лесистой части Карпат, зато на равнине и у перевалов они ему встречались. Сейчас в связи с рубками лесов границы между указанными двумя очагами гнездования ворон всё больше размываются. Долины рек при этом, как верно указывал Ф.И.Страутман, играют важную связующую роль. Особенно заметные изменения за последние 50 лет касаются урбанизации вида. Теперь серая ворона гнездится в городах области, чего прежде не наблюдалось. Следует заметить, что после первичной «вспышки» плотности населения серых ворон в городах, имевшей место лет 20 назад, наступила определённая стабилизация – сейчас вороны в городе гнездятся, но не столь часто, как прежде. Подобное явление отмечено и у кольчатой горлицы *Streptopelia decaocto*. В целом за столетие общая численность серых ворон увеличилась. Во время осенних кочёвок и перелётов встречаемость ворон в горной местности довольно высока. За 1 ч стационарных наблюдений в октябре-ноябре близ Рахова насчитывается до 50 и более пролетающих по долине Тисы особей (Луговой 1992). Зимой, как и летом, серые вороны многочисленны на равнине и обычны (до десятка особей в стаях) в местах, прилегающих к перевалам (преимущественно внутри сёл). В срединных секторах гор, удалённых как от равнины, так и перевалов, серые вороны даже в сёлах зимуют единично либо отсутствуют вовсе. Зимние ночёвки серых ворон характерны для центральных участков городов. Но в горной местности (например, в Рахове), в таких ночёвках отсутствуют грачи.

Ворон *Corvus corax*. Процесс синантропизации и тем более урбанизации воронов в Закарпатье запаздывает по сравнению с таковыми в соседней Галиции. Ф.И.Страутман ещё в середине XX века сообщал о гнездовании этих птиц во Львове, в то время как в Закарпатье встречал воронов лишь в естественных угодьях. Причём преимущественно в

горах, на высотах 1600 м н.у.м. и выше (полонины Руна, Говерла, Боржава, Свидовец и т.д.). В предгорьях вороны встречались ему реже, а на равнине практически отсутствовали. Теперь ситуация изменилась. Если проследить динамику встречаемости воронов в юго-западной части области за столетие, то получается следующая картина: А.А.Грaбар в первые три десятилетия (до 1926 года включительно) зафиксировал всего две особи этих птиц. В середине века вороны в этой местности стали появляться регулярно, они здесь уже гнездились. Л.А.Портенко в 1947 году на 45-километровом отрезке долины среднего течения реки Уж нашёл один выводок. Теперь на этом же участке гнездятся 8-10 пар (Луговой, Потыш и др. 2001). В конце 1990-х годов в разных местах Закарпатской равнины вороны встречаются стаями по 40-70 птиц (село Середнее, Долина нарциссов под Хустом и т.д.). Вороны здесь стали гнездиться на отдельных высоких деревьях среди полей, недалеко от равнинных сёл. Поскольку обилие птиц в горах при этом не уменьшилось, общая численность воронов за столетие существенно возросла. Только в городах эта птица пока встречается редко, лишь в зимний период.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск 1383: 5034-5035

К биологии черныша *Tringa ochropus* и перевозчика *Actitis hypoleucos* в Окском заповеднике

Ф.В.Иванов

*Второе издание. Первая публикация в 1965**

Материал собирался автором в районе Окского заповедника в 1958-1964 годах. Кроме того, использовались данные картотеки заповедника с 1952 по 1958 год.

Черныш *Tringa ochropus* и перевозчик *Actitis hypoleucos* прилетают в различные числа апреля в зависимости от характера весны. Средняя дата прилёта черныша за 13 лет – 9 апреля, а перевозчика – 19-20 апреля. Весенний пролёт выражен у черныша и почти не выражен у перевозчика. Осенний же пролёт этих видов проходит незаметно. Отколёвка местных птиц проходит постепенно и в основном в ночь. Последняя встреча черныша в районе исследований – 17 сентября 1961.

* Иванов Ф.В. 1965. К биологии черныша и перевозчика // *Новости орнитологии: Материалы 4-й Всесоюз. орнитол. конф.* Алма-Ата: 138-139.

Самая ранняя кладка черныша найдена 3 мая 1962. Черныш откладывает яйца обычно в старые чужие гнезда других видов. Из 11 кладок 5 найдены в гнёздах дроздов *Turdus*, 2 – в старых гайнах белки *Sciurus vulgaris*, 1 – в гнезде сойки *Garrulus glandarius*, 2 – в основании ольхи и 1 – на пне. Размер яиц (11 кладок), мм: 37.4-41.6×27.7-29.1.

У перевозчика откладка яиц сильно растянута. Наиболее раннюю кладку нашли 9 мая, со слабо насиженными яйцами – в июне. Размер яиц (22 кладки), мм: 33.5-36.6×25.9-27.4.

Сопоставление годовых изменений численности этих куликов с рядом таких погодных факторов, как изменение меженного уровня пика паводка, его продолжительности, температурных данных, в отдельности не позволяет говорить о ясной зависимости первых от вторых.

Большая часть перевозчиков гнездится по берегам реки Пры, к осени часть птиц откочёвывает на песчаные отмели Оки. Черныш до самого отлёта предпочитает держаться по лесным старицам и озёрам вдоль реки Пры. На песчаные отмели Оки не откочёвывает.

Численность черныша в два раза ниже численности перевозчика. Самая высокая численность черныша была в 1953 и 1960 годах (3.4 и 3.1 птицы на 10 км маршрута), а перевозчика – в 1953 и 1962 годах (8.4 и 6.2 птицы на 10 км маршрута).

В районе заповедника с 1953 по 1961 год поймали и окольцевали 147 чернышей и 663 перевозчика. К настоящему времени имеется 10 возвратов колец черныша (6.8%) и 39 возвратов перевозчика (5.8%). Пять возвратов черныша получено в тот же год, 3 – через год и 2 – через 2 года. Все птицы пойманы вновь и добыты недалеко от мест кольцевания. Основная масса возвратов колец перевозчика получена также в тот же год вблизи места кольцевания. Только две птицы были добыты в Запорожской и Курской областях. Восемь возвратов получено через год, 5 – через 2 года и 2 – через 3 года.

